

Ши Янь чувствовал доброжелательность и радость, исходящие от всей семьи Юнь, и в его сердце стало тепло и уютно. Он приписывал свою способность выражать эмоции исключительно Ся Юэ. Ведь как иначе объяснить, что после того, как лекарь когда-то заявил о неизлечимости и за столько лет ничего не изменилось, всего через месяц после свадьбы произошли такие значительные перемены? А уверенность Ся Юэ в том, что он обязательно поправится, заставила Ши Яня поверить, что его муж словно всемогущ.

Сам Ся Юэ, помимо радости, испытывал и другие мысли. Он не безосновательно полагал, что Ши Янь сможет восстановиться. В своей прошлой жизни он знал, что паралич лица — это не отсутствие эмоций, а скорее искривление лица, а то, что приводит к полному отсутствию мимики, он слышал только при болезни Паркинсона. Конечно, он не был уверен, существуют ли другие случаи, но он всегда считал, что Ши Янь не подходит ни под одну из этих категорий.

Лицо Ши Яня действительно было скованным, и даже малейшее движение давалось с трудом, но сказать, что на нем совсем не было эмоций, было нельзя. Уголки его губ могли приподниматься, и речь не сильно страдала. Однако, поскольку многие вещи в Лоюэ невозможно объяснить знаниями из прошлой жизни, Ся Юэ не стал углубляться в размышления о том, что это за болезнь. Он просто считал, что если Ши Янь говорил, что раньше вообще не мог выражать эмоций и даже говорить громко, то, вероятно, раньше ситуация была гораздо серьезнее, и он действительно не мог двигать лицом.

Если в ночь свадьбы Ши Янь уже мог слегка приподнять уголки губ, значит, он действительно начал поправляться. Ши Янь признался, что уже давно не пытался выражать эмоции, и Ся Юэ предположил, что он, возможно, привык к скованности лица и слишком сдерживал себя, поэтому никогда не замечал, изменилось ли что-то по сравнению с прошлыми годами.

Возможно, именно благодаря тому, что Ся Юэ обратил на это внимание, Ши Янь осознал это и перестал контролировать свои эмоции, начав естественно выражать их, что и привело к постепенному улучшению.

На самом деле, сам Ся Юэ изначально не был полностью уверен. Он действительно считал, что однажды Ши Янь сможет выражать эмоции, но когда это произойдет, он не имел ни малейшего представления. Увидев, как Ши Янь впервые улыбнулся, самым взволнованным и счастливым человеком, вероятно, был сам Ся Юэ.

В порыве радости он привел Ши Яня к лекарю Шэню, настаивая, чтобы тот тщательно его осмотрел. Раньше Ши Янь избегал врачей, считая это бесполезным, поэтому Ся Юэ не настаивал. Но теперь он не собирался сдерживаться. Он усадил Ши Яня на стул, не давая ему двигаться, и тот, чувствуя себя неловко, отвечал на вопросы лекаря.

Лекарь Шэнь подробно расспросил, провел диагностику по пульсу, а затем, игнорируя взгляд Ся Юэ, несколько раз оцупал лицо Ши Яня, долго размышляя, после чего велел Ся Юэ каждый день приводить его на сеансы иглоукалывания.

— Лекарь Шэнь, это можно вылечить? — спросил Ся Юэ, видя, как в глазах Ши Яня загорелась надежда после слов врача.

— Можно, — бросил лекарь, не оборачиваясь, продолжая копаться в своих вещах.

Супруги обрадовались, и Ся Юэ крепко сжал руку Ши Яня, украдкой поцеловав его в уголок глаза, пока лекарь был повернут спиной.

Лекарь Шэнь, не найдя нужного, встал и крикнул в сторону двора:

— Эй, малыш, куда ты мои золотые иглы засунул? Немедленно принеси!

Из двора слышался звонкий голос молодого помощника, разбирающего травы.

Когда лекарь снова сел, Ся Юэ, немного успокоившись, спросил:

— Лекарь Шэнь, не могли бы вы объяснить, в чем проблема? Раньше его осматривали другие врачи, но все говорили, что это неизлечимо.

— Другие врачи? Разве они могут со мной сравниться? — возмутился лекарь. — Ты же сам три года лежал, и все врачи сдались, а я тебя вылечил!

Ся Юэ подумал про себя: «Это ты вылечил? Это я сюда попал, иначе Юнь Ся Юэ бы не очнулся».

Хотя он и мысленно усомнился, он также знал, что тело три года пролежало в хорошем состоянии, а после пробуждения восстановилось без проблем, и все это было заслугой лекаря Шэня. Его мастерство нельзя было ставить под сомнение. К тому же, до того как лекарь Шэнь был приглашен в семью Юнь, он был странствующим врачом, побывавшим во многих уголках Лоюэ, и его опыт действительно превосходил врачей Иньчэна.

Лекарь Шэнь сделал глоток чая и неспешно продолжил:

— Твой муж, даже если бы я не проводил иглокалывание, через несколько лет, вероятно, сам бы поправился. Я же просто ускоряю процесс.

Ся Юэ и Ши Янь переглянулись, поверив этим словам. Ведь сейчас он улыбнулся без лекарств и игл.

— Что касается того, в чем именно проблема, — продолжил лекарь, — я не совсем уверен. Однако я встречал несколько подобных случаев, и все они были похожи на твоего мужа: лица были скованны, и никаких эмоций не проявлялось. Причины были разные: кто-то упал или получил удар, кто-то пережил сильное эмоциональное потрясение, а кто-то, как твой муж, заболел, и лицо застыло. В медицинских книгах такие случаи редко описываются, и почему это происходит, никто не знает.

— Но это не навсегда, — тут лекарь нахмурился, и в его голосе появилось недовольство. — Тот врач, который тебя лечил, не хочу называть его шарлатаном, но, молодой человек, если бы тебе вовремя провели иглокалывание, ты бы уже давно мог свободно плакать и смеяться, как другие цингуани. Это нужно лечить как можно раньше.

Ши Янь вспомнил того врача, который когда-то покачал головой и сказал, что не может его вылечить, и те годы, проведенные в скованности. В его сердце поднялась легкая обида. Но затем он подумал, что если бы его вылечили раньше, он бы не задержался до восемнадцати лет без помолвки и не оказался бы в семье Юнь. Взглянув на своего мужа, он почувствовал, что, возможно, лучше, что его тогда не вылечили.

— Впрочем, даже если иглокалывание не было сделано вовремя, ничего страшного. Эта болезнь через несколько лет начинает постепенно улучшаться, лицо понемногу расслабляется, хотя сначала это незаметно. У тебя уже восемь лет прошло? — Ши Янь кивнул, и лекарь продолжил:

— Долго, конечно, но, вероятно, пару лет назад уже начались улучшения.

Ся Юэ понял: Ши Янь слишком сдерживал себя, не только отказавшись от выражения эмоций, но и подавляя свои чувства, мало общаясь с людьми и почти не двигая лицом, поэтому не замечал мелких изменений.

— Не переживайте, он просто медленно восстанавливается. Я видел одного старика, который без лекарств и игл сам за двадцать лет полностью поправился. Когда его лицо начало двигаться, это напугало всю деревню, и все приходили посмотреть.

В это время в комнату вошел молодой помощник и передал лекарю длинный деревянный ящик. Лекарь открыл его, тщательно выбирая иглы, и продолжал говорить.

— Сейчас он восстанавливается хорошо, улыбка не скованная, выглядит естественно. Хотя можно и без лечения обойтись, иглоукальвание — лучший вариант. Когда лицо начнет свободно двигаться, не только эмоции станут выразительнее, но и жевать будет легче, аппетит и количество пищи увеличатся.

Ся Юэ не думал об этом раньше. Оказывается, небольшой аппетит Ши Яня был связан с этим. Он понял, что в восемнадцать лет тело еще растет, и есть так мало действительно неправильно. Просто Ся Юэ не видел, как едят другие цингуани, и не мог сравнить, думая, что все они такие. Теперь, услышав слова лекаря, он вспомнил, как в «Хмельной Радости» пары ужинали, и цингуани ели гораздо больше.

Он понял, что был невнимателен. Видя, что Ши Янь любит поесть, он не обращал внимания на количество пищи, поэтому даже если бы видел, как едят другие цингуани, не подумал бы об этом. Теперь он вспомнил, как Ши Янь, обжегшись золотистым цыба, не выплюнул его сразу, вероятно, не из-за боязни потратить еду впустую, а потому что не мог широко открыть рот и вынужден был жевать с закрытым ртом, чтобы проглотить.

Ся Юю стало невыносимо жаль, и в его взгляде на Ши Яня появилось сожаление. Ши Янь, хотя и не понимал причины, знал, что муж переживает за него, и улыбнулся, покачав головой, чтобы успокоить его.

<http://bllate.org/book/16466/1495000>